

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ,

из которой читатель узнает о том, как смышленная обезьяна распознала оборотня и как в бору Черных сосен ученики искали своего наставника

Наш рассказ мы прервали на том, как Танский монах и его ученики познакомились с обитателями монастыря Созерцания лесов и обуздания морей, где их приветливо встретили и сытно накормили. Подкрепившись, путники отдали остатки пищи спасенной девице, которая тоже немного поела. Вскоре стемнело, и в доме настоятеля зажгли фонари. Сюда целой толпой пришли монахи. Им очень хотелось узнать историю Танского монаха, почему он отправился за священными книгами, и, кроме того, любопытно было поглазеть на деву.

Сюань-цзан обратился к настоятелю с вопросом:

— Не скажешь ли нам, благочестивый владыка монастыря, какова дорога на Запад? Мы завтра же, ранним утром, покинем вашу драгоценную обитель.

Лама вдруг опустился на колени, Танский монах сконфузился и начал поспешно поднимать его.

— Что ты, владыка! — торопливо заговорил он. — Вставай скорее, прошу тебя! Ведь я просто спросил тебя о дороге! Зачем же выказывать мне такое уважение?

— Почтенный наставник! Дорога на Запад прямая и ровная, — отвечал лама, — завтра утром можешь отправляться в путь, ни о чем не заботясь. Тревожит меня лишь одно обстоятельство, о котором я хотел сказать тебе, как только вошли твои спутники, но побоялся оскорбить твое достоинство. Сейчас, подкрепившись, я все же решил набраться смелости и скажу тебе всю правду. Ты, наставник, прибыл сюда из восточных земель, совершил путь далекий и трудный, и я буду очень рад, если ты со своими учениками расположишься на отдых в моей келье, но вот с девушкой не знаю, что делать. Куда бы ее устроить на ночлег?

— Владыка! Ты только не подумай, что у нас насчет этой девы есть какие-либо дурные намерения, — ответил Танский монах. — Мы увидели ее утром, когда проходили через бор Черных сосен, она была привязана к дереву. Мой ученик Сунь У-кун ни за что не хотел спасать ее, а во мне пробудилось чувство сострадания, и я спас ее. Ты сам распорядись, куда ее уложить спать.

— Поскольку ты, наставник, так великодушен, — с чувством произнес настоятель, — я устрою ее в храме Владыки неба, за его изваянием. Велю постлать ей сенца и приготовить постель, пусть себе спит.

— Вот и хорошо! — обрадовался Танский монах.

Послушники тут же повели деву в храм и устроили ей постель за престолом божества.

После этого Танский монах попросил настоятеля и всех монахов не заботиться больше о нем и его учениках, и все разошлись на покой.

— Сунь У-кун! Ложись-ка пораньше, пораньше встанешь! — ласково сказал Танский монах. — Измучился небось.

Путники очень скоро заснули, а Сунь У-кун даже во сне охранял своего наставника, не отлучаясь от него ни на минуту.

Наступила глухая ночь.

Стихли звуки.

Не видно прохожих.

Безмолвье царит.

На востоке всплывает луна,

И кругла и ярка.

Тихо звезды мерцают.

Небесная блещет река.

В барабан бьют на башне.

И стража на смену спешит.

О том, как прошла ночь, мы рассказывать не будем. Утром Сунь У-кун поднялся первым, велел Чжу Ба-цзе и Ша-сэну собрать поклажу и приготовить коня, а сам стал будить наставника.

— Наставник! Учитель! — звал Сунь У-кун.

Танский монах приподнял голову, но ничего не ответил.

— Что с тобой? — забеспокоился Сунь У-кун.

— Голова кружится и в глазах темно, — простонал Танский монах. — Все тело болит, даже кости ломит.

Чжу Ба-цзе ощупал тело Сюань-цзана, тот весь горел.

— Я знаю, в чем дело! — засмеялся Чжу Ба-цзе. — Видно, вчера учитель обрадовался бесплатной еде и съел лишнего, а спал, запрокинув голову, вот его и схватило.

— Глупости! — прикрикнул на Дурня Сунь У-кун. — Вот я сейчас расспрошу самого наставника, тогда узнаем, что с ним.

— В полночь я вставал по малой нужде, — объяснил слабым голосом Танский монах, — вышел с непокрытой головой, меня и продуло.

— Вот это вполне возможно, — подтвердил Сунь У-кун. — Ну, а сейчас сможешь ты отправиться в дорогу?

— Да что ты! — произнес Танский монах. — Я даже подняться не в силах, как же я заберусь на коня? Опять из-за меня задержка!

— Наставник! Зачем ты так говоришь? — стал утешать его Сунь У-кун. — Кого же ты задерживаешь? Знаешь пословицу: «Кто хоть один день был твоим учителем, чти его как отца родного до конца своей жизни!» Мы, твои ученики, все равно, что твои сыновья. Ведь не зря говорят: «Сыну не надобно золото, ни серебро, а нужна ему любовь родительская!» Раз ты захворал, о какой же задержке может идти речь? Почему бы нам не побыть здесь несколько дней, пока ты поправишься!

И вот все трое учеников принялись выхаживать своего больного учителя. Незаметно прошло утро, настал полдень, опять наступили сумерки, пролетела ночь, и снова забрезжил рассвет. Время шло незаметно, прошло два дня, а на третий Танский монах поднялся и подозвал к себе Сунь У-куна.

— Эти дни мне было так плохо, что я не мог даже справиться о спасенной нами доброй женщине. Носили ли ей пищу? — спросил он.

Сунь У-кун засмеялся.

— Что ты все о ней беспокоишься? Позаботился бы лучше о своем здоровье.

— Да, да, ты прав! — ответил Танский монах. — Поддержи меня, я хочу встать. Достань бумагу, кисть и тушь да одолжи тушечницу.

— Для чего тебе? — удивился Сунь У-кун.

— Мне надо написать письмо, — отвечал наставник, — я вложу в конверт также мое проходное свидетельство, а тебя попрошу доставить этот пакет в столицу Чанъань и отдать самому государю Тай-цзуну.

— Для меня это сущие пустяки! — уверенно сказал Сунь У-кун. — На что-либо другое я, может быть, и неспособен, но что касается доставки писем, так на это я всегда готов. Ты только запечатай письмо как следует. Я совершу всего один прыжок и попаду прямо в Чанъань, там

вручу письмо Танскому императору, затем снова совершу прыжок и предстану пред тобой. У тебя за это время даже тушь не успеет высохнуть в тушечнице. Но, стой! О чем же ты собираешься писать? Ну-ка, расскажи мне! Успеешь написать.

Тут из глаз Танского монаха потекли слезы.

— Вот что я напишу, — молвил он:

Покорный твой слуга, монах несчастный,

В слезах я трижды бью тебе челом,

Желаю счастья тебе, здоровья

На много, много лет. И пусть прочтут

Перед тобой, о мудрый государь,

Придворные чины и воеводы

Мое послание.

Пусть все узнают,

О чем тебе поведать я хочу.

С надеждой я пошел к горе Линшань

В тот самый день, когда ты повелел

Мне родину покинуть, чтоб узреть

Лицо святого Будды...

Но, увы!

Не ожидал я, сколько тяжких бед

И сколько трудностей в пути я встречу!

Не помышлял о том, что злой недуг

На полпути меня задержит.

Горе!

Как тяжело болен я, и силы нет

Идти вперед! А до дверей блаженных

Жилища Будды, до святых ворот

Его ученья — слишком далеко.

Святые книги, знаю, ждут меня,

Но не судьба мне их достать. Напрасно

Потратил я в дороге столько сил...

Об этом доложить тебе я должен.

И я прошу освободить меня

От порученья твоего. Я болен,

И стар, и слаб. За книгами идти

В тяжелый путь на Запад повели,

Взамен меня, кому-нибудь другому!

Выслушав Танского монаха, Сунь У-кун разразился громким смехом.

— Ха, ха, ха! — заливался он. — Что же это ты, наставник, совсем раскис? Чуть прихворнул, и вон что надумал! Если когда-нибудь ты действительно тяжело заболеешь и будешь при смерти, обратись ко мне: я знаю, чем помочь. Мигом слетаю в Преисподнюю и спрошу: «Кто из вас, правителей Подземного царства, замыслил недоброе? Кто из здешних судей осмелился писать повестку? Где здесь ваш бес-посыльный, которому поручено схватить моего наставника?» А если они меня рассердят, я покажу им, кто я такой, еще почище, чем в прошлый раз, когда учинил буйство в небесных чертогах. Со своим волшебным посохом я ворвусь в самое пекло, поймаю правителей Преисподней — Янь-ванов всех десяти отделений, — и у каждого из них вытяну все жилы. Никому не дам пощады!

— Братец! Не шути! — сказал Танский монах.— Я ведь в самом деле тяжело болен.

Чжу Ба-цзе вступился за учителя.

— Брат! — сказал он. — Зачем ты перечишь наставнику. Он говорит, что ему плохо, а ты свое твердишь! Вот заноза! Давай лучше решим, что нам делать: продадим коня, заложим вещи ростовщику, купим гроб, похороним наставника, а сами разойдемся всяк в свою сторону.

— Ну и Дурень! Опять вздор мелет! — перебил его Сунь У-кун. — Ты, видно, не знаешь, что наш наставник — второй по старшинству ученик самого Будды Татагаты. Первоначально нашего наставника называли «Золотым кузнечиком», но как-то раз он совершил проступок, за что теперь ему и положено перенести испытание.

— Как же так? — удивился Чжу Ба-цзе. — Ты говоришь, что наш наставник когда-то провинился перед Буддой. Но ведь за это он уже был наказан: его разжаловали и послали в восточные земли, там он прошел через все искусства и разные перипетии, принял человеческий

облик и дал обет пойти на Запад поклониться Будде и взять у него священные книги. По дороге его хватили разные дьяволы-оборотни, связывали по рукам и ногам, подвешивали к потолку, подвергали разным мучениям и страданиям... Казалось бы, одного этого вполне достаточно для искупления вины, зачем же еще подвергать его болезни?

— Да где тебе знать это! — насмешливо произнес Сунь У-кун. — Вот как было дело. Слушай! Наш наставник как-то раз, слушая поучения Будды, задремал. А когда Будда стал задавать вопросы, то из-под левого башмака нашего наставника выкатилось зернышко, упало и полетело вниз, на грешную землю. Вот за это и положено нашему наставнику проболеть три дня.

— В таком случае, сколько же лет придется мне болеть за то, что я разбрасываю еду, когда ем?
— робко спросил он.

— Братец! — ответил Сунь У-кун. — О таких, как ты, Будда даже и не думает. Ты, наверное, не слышал стихи:

Люди полют рис,

А солнце их палит.

Падают на стебли

Капли пота,

Каждое зерно,

Посеял кто-то,

Ест богач,

А труженик забыт...

Наставнику осталось хворать еще один сегодняшний день, завтра он будет совсем здоров.

— Да мне и сегодня лучше, — произнес Танский монах. — Все время хочется пить. Ты бы сходил за холодной водицей.

— Вот и хорошо! — обрадовался Сунь У-кун. — Раз хочется пить, значит дело идет на поправку. Погоди, сейчас я схожу за водой!

Он поспешно достал патру и отправился на задний двор, где находилась монастырская кухня. Там он заметил, что у всех монахов красные, заплаканные глаза. Все они всхлипывали и, видимо, едва сдерживали рыдания.

— Эге! Да вы, оказывается, скупые и мелочные! — обратился к ним Сунь У-кун. — Мы пробьли

у вас всего несколько дней и собираемся перед уходом отблагодарить вас за гостеприимство и возместить расходы на топливо. Чего же это вы так разнюнились?

Монахи в сильном смущении спустились на колени.

— Мы не смеем, не смеем! — заговорили они.

— Что значит «не смеем»? — спросил Сунь У-кун. — Может быть, вы хотите сказать, что вас объедает тот из нас, у кого длинное рыло и большое брюхо?

— Почтенный отец! Не в том дело! — начали объяснять монахи. — Нас в этом монастыре сто десять душ. Если каждый возьмется прокормить вас хоть один день, то все вместе мы сможем кормить вас сто с лишним дней. Разве посмели бы мы обижаться на вас и считать какие-то харчи?

— А если не в этом дело, то отчего же тогда вы плачете? — спросил Сунь У-кун.

— Отец наш! — ответили монахи. — К нам в монастырь забрался какой-то злой дух-оборотень. По вечерам мы посылаем двоих послушников отбивать часы в колокол и бить в барабан. Каждый раз мы слышим, как они звонят и барабанят, но назад не возвращаются. А когда на другой день идем искать их, то находим возле огорода, на заднем дворе, монашеские шапки, соломенные туфли и обглоданные кости. Кто-то их пожирает. Вы живете у нас три дня, и за это время мы лишились шестерых послушников. Мы не из пугливых и зря никогда не сокрушаемся. А не осмеливались сказать об этом лишь потому, что ваш наставник хворает, однако слез своих не сумели скрыть от тебя.

Сунь У-кун слушал их, испытывая тревогу и радость одновременно.

— Теперь все ясно, — сказал он решительно. — В монастыре завелся злой дух-оборотень, который губит людей. Хотите, уничтожу его?

— Отец! Послушай нас! — взмолились монахи. — Ты же знаешь, что все злые духи-оборотни обладают волшебной силой. Так и этот. Он безусловно умеет летать на облаках и туманах, наверняка знает все ходы и выходы в подземном царстве! Древние люди недаром сложили замечательную поговорку: «Не верь чересчур большой честности, остерегайся также бесчеловечности!». Не сердись, отец наш, и позволь нам сказать тебе все, что мы думаем. Если тебе удастся поймать злого оборотня и уничтожить его с корнем, воистину это будет счастьем трех жизней наших; ну, а если тебе не удастся, тогда ты навлечешь на нас множество бед.

— Что это значит: «множество бед»? — спросил Сунь У-кун, задетый за живое.

— Скажем тебе прямо, ничего не скрывая, — ответили монахи. — Нас собралось здесь в этом глухом монастыре сто десять душ. Все мы с малых лет покинули мир сует. Вот послушай, как

мы живем:

Лишь волосы большие отрастут,
Мы тут же их сбываем острой бритвой.
Заплаты нашиваем там и тут
На рубище с усердною молитвой.
Чуть утро, окружаем водоем
И умываемся струей студеной,
И, пальцы с пальцами сложив, поклоны
Смиранные пред Буддою кладем.
Приходит ночь — и тихий фимиам
Мы возжигаем пред его жилищем.
Дадао — «Путь великий» — близок нам.
Зубами щелкаем, чтоб вознести
Сердца и помыслы к святому Будде,
«Амитофо» мы на ночь не забудем
С благоговением произнести.
И голову подняв, мы видим Будд,
Святых отцов, подвижников блаженных,
Сияющих на лотосах священных,
Которые на небесах цветут,
Мы много праведников различаем
Всех девяти высоких ступеней,
Душою разгораясь все сильнее.
Три звездных колесницы мы встречаем:
На них и бодисатвы и архаты,
И посреди миров рождаюсь вновь,
Там Будды милосердного любовь

Плывет — спасения челнок крылатый!
Хотим тогда войти в Покоя сад
И Сакья-муни там узреть воочью.
Потом к земле мы опускаем взгляд
И проникаем к сердца средоточью.
Стараемся вселенную спасти,
Пять заповедей строго соблюдая,
Чтоб, наши заблужденья постигая,
От сущности всю брэнность отмести...
Когда приходят данапати к нам,
Мы рады приношеньям и дарам.
Тогда —
Мы, старые
И малые,
И мальчики
И взрослые,
Жирные,
Поджарые,
Низкие
И рослые,
Мы все, отрекшиеся от сует,
В медь гонга бьем,
В бок деревянной рыбы,
Чтоб все пришедшие внимать могли бы
Словам из глав «Ученья Будды цвет»
И к чтенью глав мы добавляем кстати
Письмо, которое, с тоской в груди,
Прислал под старость лянский царь У-ди.

А если не приходят данapati,
Тогда — Мы, прежние
И новые,
Веселые,
Суровые,
Крестьяне
Прямо с пашни
И богачи
Вчерашние,
Мы закрываем при луне врата,
Проверим все засовы и запоры,
Нас птиц ночных не потревожат споры,
Их крики, их возня и суета.
Садимся мы на коврики свои
И, погружаясь в самоотрешенье,
Душой уходим в древнее ученье
Терпения, страданья и любви.
Вот почему не можем укрощать
Мы оборотней хищных и драконов,
Не изучаем демонских законов,
Как духов злых заклятием встречать.
Врага раздражишь ты, и алчный демон
Сто десять душ сожрет в один присест,
И жизни колесо от этих мест
Назад покатится.
И будет, дьявол, тем он
Обрадован, что рухнет монастырь,
Что от него останется пустырь...

И вечной славы нас лишишь тогда ты
В грядущем царстве Будды Татагаты,
Все горести, которые нас ждут,
Когда рассержен будет враг проклятый,
Почтительно мы изложили тут.

Слушая речи монахов, Сунь У-кун все больше распался от гнева, поднимавшегося в сердце и доходившего до печени. Неукротимая злоба бушевала в нем.

— Ну и дураки же вы! — громко крикнул он. — Вы знаете лишь одно: каков злой дух-оборотень, а на что способен я, старый Сунь У-кун, вы и представления не имеете!

Монахи сконфуженно признались:

— По правде говоря, действительно не знаем.

— Тогда послушайте, сейчас я вам расскажу о себе, — с гордостью произнес Сунь У-кун.

Как-то раз я поднялся
На гору Плодов и цветов,
И мятежные мне подчинились
Драконы и тигры,
И в небесных чертогах
Затеял я буйные игры,
Напугав и священных архатов
И древних отцов.
Но лишь только мучительный голод
Проснулся в груди,
В тайнике Лао-цзюня
Две-три я похитил пилюли,
А замучила жажда,
Я выпил, лишь стражи заснули,

Чарок семь со стола
Императора неба Юй-ди.
Тут бессмертным сияньем
Глаза у меня засверкали,
И не черным, не белым огнем,
А огнем золотым.
Небеса омрачились тогда
Облаками печали,
И луна потускнела,
Закутавшись в траурный дым.
В золотых украшениях, —
Не посох я выбрал, а чудо! —
Мне как раз по руке,
Не страшна с ним любая беда!
Я похитил его,
Ускользнув невидимкой оттуда,
Той же самой дорогой,
Какою проник я туда.
Так меня ль испугать
Кровожадностью демона злого?
Что мне оборотни!
Что мне происки дьявольских сил!
Что мне черти большие и малые!
Беса любого,
Ухватив, разорву пополам,
Сколько б он ни просил!
Задрожит и по норам попрячется
Свора их злая,

Не спасут их
Ни ноги, ни крылья, когда налечу.
Изрублю я коварных,
Сожгу непокорных дотла я,
Как зерно, истолку
И, как легкую пыль, размельчу.
Восьмерых я бессмертных
Могуществом превосхожу,
Тех, что ездили за море.
Бросьте сомненья и страхи!
Я поймаю вам оборотня
И его покажу,
Чтоб вы знали меня,
Мудреца Сунь У-куна, монахи!

Монахи, насупившись, слушали Великого Мудреца, а сами думали, покачивая головами: «Ну и расхвастался этот лысый прохвост! Видно, неспроста!». Однако они не стали ему перечить и даже высказали свое одобрение к тому, что он сказал. Один только старый лама не удержался.

— Постой! — сказал он. — Как же ты собираешься ловить оборотня, когда твой наставник хворает? Как бы с ним чего не случилось, пока ты будешь биться с чародеем. Как говорится в пословице: «И не заметишь, как получишь рану». Смотри, затеешь с оборотнем драку, впутаешь в нее учителя — нехорошо получится.

— Да, ты прав! Совершенно прав! — ответил Сунь У-кун, спохватившись. — Я пока снесу холодной водицы испить моему учителю, а там видно будет.

С этими словами Сунь У-кун зачерпнул холодной воды, вышел из кухни и направился в келью настоятеля.

— Наставник! — окликнул он Танского монаха. — Выпей холодной водички!

Танский монах, мучимый жаждой, приподнялся, принял патру обеими руками и осушил ее до дна. Вот уж верно сказано: «Когда хочешь пить, капля воды кажется слаще нектара, когда снадобье верное, хворь как рукой снимет».

— Не хочешь ли поесть чего-нибудь, наставник? — спросил Сунь У-кун, видя, что Танский монах приободрился и глаза его оживились. — Может быть, рисового отвара принести?

— Что ж! Я с охотой поел бы немного, — согласился Танский монах. — Эта вода оказалась для меня живительной влагой, вроде пилюли бессмертия! — пошутил он. — Я почти совсем здоров.

— Наш учитель выздоровел, — громким голосом воскликнул Сунь У-кун, — просит рисового отвара.

Монахи засуетились, приготавливая еду. Одни промывали рис, другие раскатывали тесто, жарили блины, варили на пару пампушки, и вскоре наготовили еды на четыре или пять столов. Однако Танский монах съел лишь полпорции рисового отвара. Сунь У-кун и Ша-сэн отведали по одной порции каждого блюда, а со всем остальным справился один Чжу Ба-цзе, который набил себе полное брюхо. После трапезы убрали посуду, зажгли фонари, и все монахи разошлись, оставив наших путников одних в келье.

— Который день мы здесь находимся? — спросил Танский монах.

— Ровно три дня! — ответил Сунь У-кун. — Завтра к вечеру будет четыре.

— За три дня сколько бы мы успели пройти, — вздохнул Танский монах.

— Зачем считать? — остановил его Сунь У-кун. — Завтра же тронемся в путь!

— Вот это правильно, — обрадовался Танский монах. — Хоть я и не совсем выздоровел, а двигаться надо.

— В таком случае, — сказал Сунь У-кун, — позволь мне сегодня ночью изловить злого оборотня.

Танский монах сильно встревожился.

— Какого же еще оборотня ты вздумал изловить? — с неподдельным ужасом спросил он.

— В этом монастыре завелся хищный оборотень, — спокойно ответил Сунь У-кун, — вот я и решил избавить от него здешних монахов.

— Брат мой! — укоризненно произнес Танский монах. — Как можешь ты помышлять о поимке оборотня, если я не совсем еще оправился от болезни? А вдруг у этого оборотня чары окажутся сильнее твоих, и ты его не одолеешь, тогда мне останется лишь погибнуть, не так ли?

— Плохо ты обо мне думаешь! — рассердился Сунь У-кун. — До сих пор я на всем пути всегда одерживал верх над злыми духами-оборотнями. Видел ли ты хоть раз, чтобы я потерпел поражение? Стоит мне лишь приложить руки, как я сразу же выхожу победителем!

Но Танский монах продолжал отговаривать его.

— Брат мой! — умолял он. — Вспомни мудрое изречение: «Коль случай есть, ты бедным помощь окажи, а где пощады просят — пощади! Все лучше сердцем управлять, чем волю дать ему! Чем в спор пускаться злобный, достойнее сдержаться!».

Великий Мудрец, видя, что Танский монах всячески отговаривает его от намерения покорить злого оборотня, рассказал ему всю правду.

— Наставник! Вот что я скажу тебе. Оборотень поселился в монастыре и пожирает людей!

— Кого же он сожрал? — упавшим голосом спросил Танский монах, испугавшись не на шутку.

— Мы находимся здесь всего три дня, а за это время он сожрал уже шестерых послушников.

— Какой ужас! — содрогнулся Танский монах. — Недаром говорят: «Когда заяц помирает, даже лисица горюет!». А уж если животные горюют друг о друге, то людям само небо велело сокрушаться о погибших! Этот оборотень пожирает монахов. А я ведь тоже монах. Ладно, отпускаю тебя, только смотри будь осторожен!

— Об этом говорить не стоит! — обрадовался Сунь У-кун. — Мне бы только добраться до этого оборотня, — я с ним разделаюсь!

И, несмотря на поздний час, Сунь У-кун велел Чжу Ба-цзе и Ша-сэну зорко охранять Танского монаха, а сам, хихикая от радости, выскочил из кельи настоятеля и направился прямо к храму Будды. В небе сверкали звезды, но луна еще не взошла. В храме было совсем темно. Сунь У-кун раздул священный огонь, зажег хрустальные лампы и начал бить то в барабан, то в колокол. После этого он встряхнулся и превратился в подростка-послушника лет двенадцати. На нем была узкая рубаха из желтого шелка, а поверх — длинное монашеское одеяние из белого холста. В руках он держал «деревянную колотушку-рыбу», стучал в нее, а сам читал нараспев какую-то сутру. Прошло время первой стражи, но никто не появился, и кругом все было тихо. Наступила вторая стража, взошла луна в ущербе, и вдруг в храме послышалось завывание ветра.

Ну и ветер это был! Вот послушайте:

Темнота покрыла небо,

Словно черной, плотной тушью.

Ничего кругом не видно
В облаках волнистой мглы.
Грозно дунул вихрь летучий,
Закрутил он пыль сначала,
А потом валить на землю
Стал могучие стволы.
Тьма зловещая сгустилась,
Замигав, померкли звезды,
И луна багрово светит
Сквозь дремучий бурелом,
И Чан-э, луны богиня,
Солошу в объятых держит,
Чтоб, упав, не поломало
Землю огненным стволом.
И нефритовый зайчонок
На луне в тревоге скачет,
Плачет, что найти не может
Таз волшебный для лекарств,
А испуганные духи
Девяти светил небесных
Спешно закрывают двери
Девяти небесных царств.
И правители-драконы
Четырех морей великих,
Содрогнувшись, все ворота
Поспешили запереть.
Духи храмов растеряли
Всех служителей усердных.

В небесах, на тучах старцы
Не решаются лететь.
И в чертогах Преисподней
Царь Янь-ван напрасно кличет
Устрашителя-владыку
С лошадиной головой.
Судьи адские в тревоге
Разбежались, каждый ловит
Вихрем сорванную шапку,
С перепугу сам не свой.
До того разбушевался
Ураган, что камни стонут,
На верхах Куньлуня скалы
Своротил с железных жил,
В реках воду взбаламутил,
Влагу выплеснул в озерах
И, стеною вздыбив волны,
Дно морское обнажил.

Не успел пронестись ураган, как вдруг весь храм наполнился ароматом орхидей и мускуса и послышался нежный звон яшмовых подвесок. Сунь У-кун насторожился, поднял голову и стал всматриваться. Ба! Да это была настоящая красавица, которая шествовала прямо к алтарю Будды. Сунь У-кун стал нараспев читать сутру, притворясь, что не замечает деву. Красавица подошла к нему, нежно обняла и спросила:

— Что за сутру ты читаешь, блаженный отрок?

— Ту, что должен прочесть по обету,— ответил Сунь У-кун, ничуть не смущаясь.

— Но ведь все уже давно спят, отчего же ты бодрствуешь? — спросила дева.

— Как же мне не читать, ведь я дал обет! — отвечал Сунь У-кун, словно оправдываясь.

Красавица еще крепче обняла его и поцеловала в губы.

— Пойдем со мною на задний двор! Там мы с тобой позабавимся, — предложила она, пытаясь увлечь за собой послушника.

Сунь У-кун нарочно отвернулся, чтобы подзадорить оборотня, и сказал:

— Ты, видно, ошиблась во мне!

— А ты умеешь гадать по лицу? — перебила его дева.

— Да, кое-что смыслю в этом, — ответил Сунь У-кун.

— Ну, так отгадай, кто я такая! — лукаво попросила красавица.

— По-моему, — сказал Сунь У-кун, — ты любишь тайком предаваться любовным утехам и за это свекор со свекровью выгнали тебя из дому.

— Вот и не угадал! Вот и не угадал! — обрадовалась дева. — Слушай кто я такая:

Не свекор,

Не жестокая свекровь

Меня за незаконную любовь,

Озlobясь,

Из дому навек прогнали.

Судьба моя в той жизни решена

На горе мне.

И не моя вина,

Что бедной мне

В мужья мальчишку дали.

Не ведал он,

Как быть ему с женой,

Вдвоем со мной

Оставшись в брачной спальне.

И убежала я.. .

Что может быть печальней?

С тех пор приходится мне жить одной.

Давай проведем вместе эту звездную ночь. Я знаю, что свидание с тобой самой судьбой мне назначено. Мы пойдем на задний двор и там понежимся, как пара чудесных птиц Луань! — закончила дева и потянула за собой Сунь У-куна.

Сунь У-кун выслушал ее и подумал про себя: «Те глупые послушники поддались соблазну любовных утех, а потому распрощались с жизнью. Теперь она, видимо, хочет и меня провести». Отпрянув от девы, он округлил глаза:

— Я ведь монашеского звания, милая тетенька! Мне еще очень мало лет, и я не знаю, что значит понежиться.

— Пойдем со мной! — тянула его дева. — Я научу тебя.

Усмехнувшись про себя, Сунь У-кун подумал: «Ладно, так и быть! Пойду посмотрю, что она собирается сделать со мной».

Обнявшись, они вышли из храма Будды и направились к огороду на заднем дворе. Вдруг дева-оборотень неожиданно подставила ножку Сунь У-куну, и он упал наземь. Сама же она с возгласами: «Любимый мой! Дорогой мой!» — ухватила его руками за то место, которое, читатель, нельзя назвать. Сунь У-кун подумал: «Ай-ай-ай! Она и впрямь собирается сожрать меня, старого Сунь У-куна!».

Схватив ее за руки, он ловким движением ног повалил ее, и она покатилась по земле.

— Милый мой! Ишь ты каков! — закричала дева-оборотень. — Оказывается, сумел повалить свою тетеньку!

Тем временем Сунь У-кун стал прикидывать: «Когда же еще, как не сейчас, расправиться с этим оборотнем! Ведь правду говорят: «Кто первый бить начнет — выигрывает, кто опоздает — проигрывает!».

Сунь У-кун скрестил руки, выгнул спину, подпрыгнул, принял свой первоначальный облик и принялся вертеть колесом железный посох с золотыми обручами, готовясь нанести оборотню сокрушительный удар по голове.

Повалившись наземь, дева-оборотень струхнула: «Вот так послушник, — с тревогой подумала она, — какой злющий!». Теперь перед ней был не кто иной, как ученик Танского монаха, Сунь У-кун. Но это ничуть ее не испугало.

Вы только послушайте, что это был за оборотень!

Крепок нос у нее,

Словно клюв или выступ железный.

Вся в серебряной шерсти,

Ни зверь она, ни человек.

Домом служат ей норы,

Приютом — туманные бездны,

И в любой котловине

Готов ей надежный ночлег.

Триста лет, как возникла она,

И не ведала сроду

Ни добра, ни любви,

Хоть была на вершине Линшань,

Но наелась там воску, цветов

И душистого меду,

И низвергла с небес ее

Будды могучая длань.

Но назвал ее дочерью

Царь То-та Ли, что над нами

В небесах, и сестрою Наследника

Стала она.

То не птица Цзинвэй,

Что моря завалила камнями,

Не Ао — черепаха,

Что выдержать горы должна.

Не страшны ей драконы — мечи

Колдуна Лэй Хуаня;

Преградить ей дорогу не в силах
Янцзы или Хань;
Не грозит ей погибелью
Нож знаменитый Люй-цяня,
Что пред нею вершина Хэньшань
Или горы Тайшань!
А захочет она
Обернуться к нам ликом девичьим,
И цветок и луну
Затмевает ее красота.
Кто помыслит тогда,
Что под этим чудесным обличем
Морда мерзкой лисицы таится
Иль образ крота?

Обладая великими чарами, оборотень сразу же вооружился двумя обоюдоострыми мечами и принял бой. Раздался громкий звон скрестившегося оружия: «дин-дин — дан-дан». Оборотень ловко отражал удары Сунь У-куна: укрываясь слева, нападал справа, делал выпады вправо и отступал влево. Сунь У-кун хоть и был сильнее, но не мог сразить врага. И вот опять поднялся сильный северный ветер, и ущербная луна померкла. Посмотрели бы вы, как они сражались! Ну и хорош был бой!

Вот послушайте:

Дунул ветер, взвились вихри,
Вся страна пришла в смятенье.
Звезды яркие затмились,
Еле виден свет луны.
Но в обширном храме Будды
Тишина и запустенье,
И других божеств молельни
Все безмолвием полны.

А в саду, в тени деревьев,
Грохот слышен, звон и крики.
Сунь У-кун, боец великий,
Небом признанный мудрец,
И красавица колдунья,
Оборотень многоликий,
Состязаясь в грозных чарах,
В бой вступили наконец.
Сердце девы, словно птица,
Выскочить на волю хочет,
Прочит смелому монаху
Смерть от острого меча.
Но и сердце Сунь У-куна
Грозной яростью клокочет,
И красавицу колдунью
Бьет он посохом сплеча.
Как у злобной чаровницы
Два меча летают ловко!
Дьяволица, а не дева!
Образ демонский, как встарь!
Но, чтоб посохом сражаться,
Тоже ведь нужна сноровка,
И в проворстве Махарачже
Равен обезьяний Царь!
Посох с грохотом летает,
Раздается гул удара;
Словно молнии, порхают
Два меча в густой пыли.

Или уточек влюбленных
В храме разлучилась пара?
Иль красавицу в чертогах
Хитрой сетью оплели?
Здесь рыдают обезьяны,
Слыша гром и гул сраженья.
Там испуганные гуси,
Всполошились и кричат.
Восемнадцать архатов
Дух исполнен восхищенья.
Тридцать два небесных свода
В изумлении молчат.

Сунь У-кун разил без промаха. Дева-оборотень поняла, что ей не устоять против расвирепевшего противника. Она нахмурилась, и ей сразу же пришел на ум прекрасный замысел. Сжавшись всем телом, она вдруг кинулась бежать от Сунь У-куна.

— Стой, негодница! Куда? — закричал Великий Мудрец, предвкушая победу. — Сдавайся живей.

Но дева-оборотень, не обращая внимания на грозные крики, бежала без оглядки. Когда Сунь У-кун почти догнал ее, она скинула цветной башмачок с левой ноги, дунула на него своим волшебным дыханием, прочла какое-то заклинание и воскликнула: «Превратись!» Башмачок тотчас же превратился в точную копию девы-оборотня, с двумя мечами в руках. Сама же она вдруг стала невидимой и унеслась прочь, став легким ветерком.

Видно, зловещая звезда возшла над несчастным Танским монахом. Дева-оборотень ворвалась в келью настоятеля, схватила Сюань-цзана и умчалась с ним в заоблачные высоты. Не успел он и глазом моргнуть, как дева-оборотень доставила его на гору под названием Провал в пустоту и привела в Бездонную пещеру. Там она приказала слугам приготовить свадебный пир. Но об этом мы рассказывать пока не будем.

Тем временем Сунь У-кун, пылая жгучей ненавистью, сражался с мнимой девой-оборотнем. Вот он изловчился и одним ударом свалил ее наземь... увы! оказалось, что это был всего лишь цветной башмачок. Сунь У-кун понял, что дева-оборотень провела его, и стремглав полетел к своему наставнику. Но его уже и след простыл! Чжу Ба-цзе и Ша-сэн лопотали что-то несвязное, но Сунь У-кун не стал их слушать. Задыхаясь от гнева, распившего ему грудь, он подхватил свой посох и начал бить, что было силы, приговаривая:

— Убью вас! Убью!

Чжу Ба-цзе заметался, ища спасения. Зато Ша-сэн показал себя достойным полководцем-стратегом с горы Линшань! Он решил укротить Сунь У-куна мягкостью и покорностью. Приблизившись к нему, Ша-сэн опустился на колени.

— Брат, — сказал он с невозмутимым спокойствием, — я все понял! Ты хочешь прикончить нас обоих, решил не спасать наставника и думаешь вернуться в свои прежние владения.

— Вот убью вас и пойду выручать наставника один! — запальчиво крикнул в ответ Сунь У-кун.

Ша-сэн рассмеялся.

— Что ты говоришь, братец! — продолжал он. — Ведь без нас тебе никак не обойтись. «Из одной шелковинки нитку не скрутишь, одной ладонью не захопаешь!» Кто будет сторожить тебе поклажу и смотреть за конем? Лучше нам жить в дружбе, как жили Гуань Чжун и Бао Шу-я, нежели враждовать словно Сунь Бинь с Пан Цзюанем. Еще в давние времена люди сложили такую пословицу: «На тигра иди с родным братом, а помогать в бою зови отца с сыном!». Прошу тебя, братец, не убивай нас! Как только рассветет, мы отправимся с тобой на розыски нашего наставника и не пощадим сил своих, чтобы спасти его.

Великий Мудрец не только владел волшебством, он был к тому же весьма рассудительным и знал, как и когда надо действовать. Глядя, как смиренно просит Ша-сэн о пощаде, Сунь У-кун проникся жалостью к нему.

— Хватит вам стоять на коленях! Подымайтесь на ноги, — произнес примирительным тоном Сунь У-кун, злость у него прошла, — зато завтра все силы положите на то, чтобы отыскать нашего учителя!

— Я все возьму на себя! — растроганно воскликнул Чжу Ба-цзе, поняв, что Сунь У-кун решил пощадить их.

Остаток ночи ни один из учеников не мог уснуть. Поглощенные думами о своем наставнике, они досадовали на себя за то, что не могут вызвать солнце, чтобы оно своим появлением рассеяло все звезды на небе.

Так они просидели до самого утра и уже собрались было идти, как вдруг монахи-ламы появились в дверях.

— Куда собрались, уважаемые? — спросили они.

Сунь У-кун сконфуженно засмеялся.

— Мне даже не совсем удобно признаться вам, — проговорил он в смущении, — вчера я так расхвастался перед вами, говорил, что поймаю злого оборотня, но случилось все по-другому: оборотня не поймал, а нашего наставника мы потеряли и сейчас собираемся идти разыскивать его.

— О небо! — перепугались ламы. — Из-за такого пустячного дела пострадал ваш почтенный наставник! Куда же вы думаете направиться искать его?..

— Мы знаем куда! — уверенно ответил Сунь У-кун.

— Не спешите! Позавтракайте сначала, а потом и пойдете! — торопливо заговорили ламы.

Тут же подали миски с супом и отварным рисом. Чжу Ба-цзе набросился на еду и мигом все уплел.

— Добрые отцы монахи! — сказал он, облизываясь, — Как только отыщем учителя, так непременно вернемся и отблагодарим вас!

— Опять собираешься объедать людей, — сердито осадил его Сунь У-кун. — Ступай-ка в храм Будды и посмотри, там ли девица.

— Ее там нет! — хором закричали ламы. — Она исчезла! Она побыла там лишь тот вечер, когда вы пришли, а на другой день ее уже не стало!

Сунь У-кун, радостный и веселый, расстался с монахами, велел Чжу Ба-цзе и Ша-сэну вести коня и тащить поклажу, и все втроем они направились прямо на восток.

— Братец! Не ошибся ли ты? — заволновался Чжу Ба-цзе. — Зачем ты повел нас обратно?

— Может, ты скажешь, куда надо идти? — ехидно спросил Сунь У-кун. — Я своими золотистыми зрачками и огненным взором сразу же разглядел, что за дева была привязана к дереву, а вы стали за нее заступаться. Между тем за эти дни она уже сожрала нескольких монахов-послушников! Она же похитила нашего наставника! Вот какую добрую женщину спасли вы! А теперь надо искать ее там, где мы встретились с нею впервые.

— Да, да, да! Ты прав, — согласились Чжу Ба-цзе и Ша-сэ. — Вот уж поистине: «Тонкое содержится в грубом!» — а мы-то и не додумались до этого! Идем, идем скорей!

Все трое вскоре оказались в чаще леса.

Над лесом клубятся

Туманные тучи,
И скалы врезаются
В кряжистый бор,
И петли тропинок
Змеятся вдоль кручи,
И чертят лисицы
Волшебный узор.
Безлюдны чащобы,
И пусты поляны.
Лишь волк промелькнет,
Или барс и шакал.
Как им в эту пору
Найти Сюань-цзана?
Об этом никто из монахов
Не знал!

Сунь У-кун, горячий по натуре, выхватил свой посох, встряхнулся и стал точь-в-точь таким, каким был, когда учинил великое буйство в небесных чертогах. У него появилось три головы и шесть рук. Он вооружился сразу тремя посохами и начал ломать деревья. По лесу пошел треск и гул.

— Гляди-ка, Ша-сэн! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Наш старший братец от злости рехнулся. От отчаялся найти учителя и вымещает свою злобу на деревьях!

Но, оказывается, Великий Мудрец пробил просеку и этим вызвал появление двух духов. Один из них был дух — хранитель горы, а другой — местный дух земли. Оба духа опустились на колени перед Сунь У-куном.

— Великий Мудрец! — смиренно молвили они. — К тебе явились дух горы и местный дух земли!

Чжу Ба-цзе удивился:

— Ну и силен наш брат, — промолвил он. — Стоило ему пробить одну только просеку и сразу же появилось два духа. А что, если он прорубит еще одну просеку, не появится ли тогда дух Тай-суй?

Сунь У-кун со строгим видом обратился к обоим духам.

— Ну и хороши же вы! — начал он. — До какого безобразия дошли! Шайка наглых разбойников приносит вам жертвы, угощает вас свиной и бараниной, а вы якшаетесь с ними, потворствуете им, да еще и разных оборотней к себе привадили! Вот теперь они похитили моего наставника! Сейчас же говорите, куда его спрятали, не то я изобью вас!

Духи сильно струхнули и стали оправдываться:

— Великий Мудрец! Зря ругаешь нас! На этой горе нет оборотней! А тот, кто похитил твоего наставника, мне не подвластен! Но я кое-что знаю про ветер, который ночью прошумел здесь.

— Раз знаешь, выкладывай все по порядку! — приказал Сунь У-кун.

— Оборотень, который похитил твоего наставника, находится в южной стране, за тысячу ли отсюда! Там есть гора, которая называется Провалом в пустоту, а в ней Бездонная пещера. Дух-оборотень, который поселился в этой пещере, явился сюда, принял облик девы и похитил твоего наставника.

Сунь У-кун, выслушав его, в душе встревожился, но не подал виду, и велел духам убраться. Затем он принял свой прежний облик и удрученно произнес, обращаясь к спутникам:

— Наш наставник находится очень далеко от нас!

— В таком случае надо на облаках догнать его! — предложил Чжу Ба-цзе.

Ну и Дурень! Он вызвал порыв сильного ветра и поднялся первым. За ним последовал Ша-сэн. Вы, вероятно, помните, читатель, что белый конь в прошлом был драконом. С поклажей на спине он тоже вскочил на облако. А Великий Мудрец Сунь У-кун перекувырнулся через голову и понесся прямо на юг.

Вскоре показалась какая-то гора, и облако, на котором были наши путники, зацепилось за ее вершину. Все трое, придерживав коня, стали разглядывать гору:

Там тянутся к солнцу

Гранитные зубья,

Чтоб синее небо

Разбить на куски.

Там пики пронзают

Лазурные глубины,
Волну разрезая
Небесной Реки.
И с тучами вровень
Дерев миллионы
Дремучей стеною
По кручам встают,
И пестрые птицы
Под сенью зеленой
Порхают, щебечут
И в чаще снуют.
Там хищные звери
Скользят меж стволами,
Олени и серны
Пасутся стадами,
И травы
Волшебный струят аромат
На южных отрогах,
В цветущих долинах.
А к северу склоны
В нетающих льдинах,
И снежные глыбы
Там вечно лежат.
Как мрачны обрывы,
Как скалы красивы!
Там кряжи встают, —
За стеною стена!
Там кольцами вьются

Потоков извивы,
Там пенится, брызжет
Речная волна.
Там черные сосны
Столпились сурово.
Там сердце
У воина дрогнет любого!
Ты там не заметишь
Следов человека.
Не встретишь в горах
Собирателя трав,
В лесу не услышишь
Топор дровосека.
Лишь барсы коварные
Тешат свой нрав.
Там тигры
Резвятся на диком раздолье,
Проклятый туман
Нагоняя хвостом.
Там скачут, колдуя,
Лисицы на воле,
И черные вихри
Клубятся потом.

— Ну, брат! На такой неприступной горе, безусловно, водятся дьяволы и оборотни! — уверенно произнес Чжу Ба-цзе, оглядев гору. — Еще бы! — отозвался Сунь У-кун. — Знаешь пословицу: «На высокой горе всегда черти водятся. На скалистых хребтах духи-оборотни живут». Вот что, — продолжал он, обернувшись к Ша-сэну, — ты побудь здесь со мной, а Чжу Ба-цзе пусть спустится вниз и узнает толком, где здесь проходит дорога и есть ли какая-нибудь пещера. Непременно узнай, есть ли ворота в пещере и в какую сторону они открываются! — добавил он, обращаясь к Чжу Ба-цзе. — Разузнай все как следует, чтобы мы смогли выручить из беды нашего наставника!

— Вот не везет мне, старому Чжу Ба-цзе! — заворчал Дурень. — Вечно приходится за всех отдуваться!

— Ладно тебе,— осадил его Сунь У-кун.— Не ты ли говорил ночью, что возьмешь все на себя? Чего же теперь отлыниваешь?

— Не кричи! — сердито ответил Чжу Ба-цзе. — Я и так пойду!

Он отложил в сторону свои грабли, отряхнул одежду и начал спускаться с высокой горы, чтобы найти дорогу или тропку. О том, что произошло дальше, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288539>